

ЗАВЕТНЫЙ С. А. (Харьков, Украина)
ДЕНИСКО Л. Н. (Харьков, Украина)
МОШИНСКАЯ Е. Ю. (Харьков, Украина)

ЧЕЛОВЕК КАК ОСНОВАНИЕ КОАДАПТАЦИИ НАУКИ И ХРИСТИАНСТВА

АНОТАЦІЯ

В статті подано аналіз нової тенденції в сучасному культурному житті суспільства: коадаптація науки і християнської релігії. Основа коадаптації – проблема людини, її природа, життя та смерть. Коадаптація долає жорстке протистояння науки та релігії, яке не відповідає реаліям сьогодення. Наука та релігія рівнозначні соціокультурні феномени. Діалог, стратегія порозуміння є необхідною умовою їх взаємозв'язку.

Ключові слова: наука, релігія, християнство, коадаптація, людина, гуманізм, постгуманізм.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринят анализ новой тенденции в современной культурной жизни общества: коадаптации науки и христианской религии. Основу коадаптации составляет проблема человека, его природы жизни и смерти. Коадаптация снимает жесткое противопоставление науки и религии, что не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Наука и религия равнозначные социокультурные феномены. Диалог, стратегия взаимопонимания является необходимой предпосылкой их взаимосвязи.

Ключевые слова: наука, религия, христианство, коадаптация, человек, гуманизм, постгуманизм.

SUMMARY

The article attempted analyze the new trends in contemporary cultural life of society: science and co-adaptation of the Christian religion. The basis of the co-adaptation is the problem of man, his nature of life and death. Co-adaptation removes the rigid opposition of science and religion, which does not correspond to the realities of today. Science and religion are equally important socio-cultural phenomena. The dialogue strategy is a prerequisite for understanding their relationship.

Key words: science, religion, Christianity, co-adaptation, a man, humanism, post-humanism.

Одной из новых тенденций современного мира является и актуализируется процесс коадаптации науки и христианской религии. Он связан с широким полем экономических, социальных и духовных ситуаций, которые возникли в XX начале XXI века. Науке и религии христианства приходится определять свое отношение к чрезвычайно острым и сложным проблемам, со многими из которых христианству и науке не приходилось сталкиваться за всю их историю. Философия религии и философия науки, философская антропология и христианская антропология в центр своих исследований поставили обострившуюся проблему жизни и смерти человека. Именно они составляли основания процесса коадаптации. Впервые позиция коадаптации в рамках бывшего СССР была озвучена в передаче «Философские беседы» по Центральному телевидению 28 мая 1989 года. Журнал «Человек» как философско-религиозную память воспроизвел на своих страницах эту беседу в 2001 году, хотя многих ее участников с нами уже нет. Беседу вели И.Т.Фролов, Н.Н.Моисеев, Митрополит Питирим, С.П.Зальгин. Можно констатировать, что в бывшем советском пространстве именно с конца 80-х годов XX ст., стратегия коадаптации науки и религии стала «легализоваться», приобрела, как отмечается в редакционной статье журнала «Человек» №2, 2001 г., право гражданства не как экзотика, а как единственно плодотворный для самой науки подход к постижению человека.

С 80-х годов XX ст. начались систематические диалоги науки с другими формами осознания мира и прежде всего с религией христианства.

Кодаптация позволяет, по мнению В.Д.Захарова, впервые дать возможность разрушить роковую перегородку между наукой и религией, уничтожив почву для противопоставления научного и религиозного типов понимания [1, с.111]. В основе кодаптации лежит не жесткое противопоставление каждого из названных феноменов, а сотрудничество, взаимопонимание. В основе кодаптации лежит провозглашение следующих принципов: научное исследование сложнейших проблем человека не может ограничиваться рамками научной (даже гуманитарно-научной) методологии; что прозрения искусства и религии – это не только объект для научного анализа, но и самоценный, равноправный с наукой способ постижения тех же проблем, иногда органично дополняющий научные исследования, а иногда и указывающий им путь.

Компаративный подход, как и культурологический, позволяют рассматривать науку и религию как равнозначные, где присутствует диалог, а не монолог, стратегия понимания, а не конфронтация. Философская, научная, религиозная практики в контексте этих подходов равноправны. Кодаптация снимает жесткое противопоставление этих феноменов, стратегию войны между ними, или односторонней монополии. В условиях техногенной цивилизации время жесткого разделения науки и религии подошло к своему завершению.

В философской литературе подчеркивается, что кодаптация науки и религии является одним из направлений обновления христианского религиозного сознания, поскольку человечеству еще предстоит востребовать то содержание христианства, которое до сих пор оставалось в целом нераскрытым, хотя и составляет его истинную природу. При этом похоже, что само христианство в целом даже не совсем осознало эту свою природу. Имеется в виду значение того решающего обстоятельства, что оно принципиально отличается от всех других великих религий тем, что дает человеку право (и обязательность!) участвовать в творении мира. «Христианство только начинается», - говорил Александр Мень.

Наука и религия являются социокультурными феноменами, связаны с человеческой деятельностью, несут на себе печать исторически меняющегося времени. Этим объясняется, что отношения между ними строились по различным принципам: вражды-войны, терпимости, дополнительности, диалога, скептицизма, материализма, идеализма и т.д.

Техногенная цивилизация изменила не только облик науки, но и обусловила в определенной степени потребность обновления религии. Поиски человеческого лица науки не остались без внимания со стороны религии. Эта исследовательская позиция актуализировалась ко второй половине XX века и обусловлена рядом факторов. Конец XX в. и начало XXI в. отличаются обостренным вниманием исследователей разных направлений к месту и роли религии христианства в культуре и общественной жизни современного общества. Диапазон интереса весьма широк, однако в качестве ведущего рассматривается вопрос о роли и значении религии христианства для судеб европейской культуры, поскольку возникла потребность исследования различных сфер духовной жизни в контексте христианской культуры. Вечная философская проблема «наука и религия» потребовала новой интерпретации, понимания, что связано не только с отказом от доктрины воинствующего материализма в постсоветском пространстве, но и с вырождением нравственности как проблемой планетарного масштаба. Философы, богословы, общественность обеспокоены тем, что мораль как ценность отодвинута, пожалуй, на последнее место в системе ценностей и приоритетов современного человека, что критерием оценки значения человека выступает прежде всего эффективность и технический, экономико-финансовый результат. Участники проводимого в 1999 году Международного научного и религиозного общественного форума на тему «Общество на рубеже тысячелетий: социальная, культурная и религиозная парадигмы» констатировали, что современное человечество, овладев естественными законами бытия, получив возможность в гигантских масштабах использовать природные ресурсы, настолько отстало в морально-

нравственном отношении, что стало просто неадекватным этим приобретенным возможностям.

Особую остроту проблемы человека приобретает в контексте дилеммы гуманизм/трансгуманизм или гуманизм/постгуманизм. Выдвинутая постгуманизмом концепция сингулярности акцентирует внимание на возможность возникновения существ столь величественных и вместе с тем столь непостижимых, что человечество будет им поклоняться как богам, в которых мы можем поверить. Эта позиция наиболее всесторонне представлена в работе Р. Курцвейна [3]. М. Циммерман, полемизируя со сторонниками постгуманизма, отмечает, что «постгуманисты сингулярности призывают к новым формам идентичности и перформативности, но участвующие в этом акторы все меньше будут походить на *Homo sapiens*. Вариация на тему «конец человека», предложенная сингулярностью, может означать фактическое вымирание нашего вида» (подчеркнуто нами) [12].

Аналогичная тревога в начале XXI века была озвучена российским философом Кутыревым в статье «Человек XXI века: уходящая натура» [2, с. 9-16]. Он подчеркивает, что новые технологии в различных вариантах приведут к тому, что появится, образуется новая форма «не Бог и не человек». Такая постановка вопроса о природе человека, её трансформации присуща и известному американскому философу Ф. Фукуяме. Он в своих работах приводит мысль, полную драматизма и обоснованного беспокойства мысль: ничем не ограниченный научный прогресс, биотехнологическая революция способны вывести человечество за ту относительную грань, по другую сторону которой каждый из составляющих его субъектов до известной степени перестает быть человеком. [13]

В философских исследованиях произошло осмысление ситуации, что наука как методология и христианство как мировоззрение не являются противоречащими друг другу понятиями, но дополняющими друг друга источниками постижения истины. Эту позицию разделяют богословы и иерархи христианских церквей. Новые реалии таковы, что происходит преодоление начавшегося во второй половине XIX столетия процесса демаркации между наукой и религией. Б. Литл, доктор богословия из США, считает, что основной причиной разрыва между наукой и христианством является дарвинская теория эволюции. С этого момента наука и христианство действительно противоположно трактовано природу мира и человека. Так окончательно завершился разрыв между наукой и христианством. Наука приняла философскую позицию, выбрав в качестве онтологической основы натурализм, и с этого периода наука стала претендовать на единоличное знание истины [5, с.253].

Одним из первых, кто поставил проблему коадаптации науки и религии в первой половине XX ст. был выдающийся ученый М. Планк. Он высказал эвристическую мысль, которая длительное время не была востребована, но в новой ситуации является актуальной. В статье подчеркивается, что ученый должен обладать своеобразной полнотой ориентировки в культуре. Искусственная ампутация культурных фрагментов пагубно сказывается на возможности научных исследований и понимании феномена науки. От ученого не требуется личной религиозности, но желательно, чтобы ему была присуща «воля к культуре». М.Планк поставил вопрос о том, что наука и религия должны выступать как составляющие культуры, обозначил культурологический подход к их анализу, который является сегодня приоритетным.[6,27]

О необходимости пересмотра взаимосвязи науки и христианства заявили в начале XXI века участники международной конференции «Христианство и тоталитарные вызовы XX столетия» (на примере России, Германии, Италии и Польши) в октябре 2000 года в Айхштетте. В докладе В.А. Лекторского на конференции отмечалось, что «научный разум давно оторвался от религиозного контекста, в котором, он когда-то возник, и превратился в самостоятельную силу, развивающуюся по собственным законам и создающую перед человечеством все новые трудноразрешимые проблемы, начиная с экономических и кончая межличностными» [4,с.4]. Если в доктрине христианства человеческая личность обладает

внутренней духовной свободой, т.е. независимостью от внешних природных и специальных обстоятельств, то «научный разум» исходит из иной установки. Для него, начиная с Нового времени и вплоть до сегодняшнего дня, является главной идеей о том, что освободить человека, снять с него зависимость от внешних сил, создать условия для его творческого самоопределения можно лишь путем овладения окружением, начиная от природы, включая социальный мир и кончая телом самого человека. Это в свою очередь расшифровывается как контроль и господство, а средством его реализации считается разум, рациональность и созданные на этой основе разнообразные инструментальные техники. Контроль и господство стали доминантными над всеми сферами природы, общества и личности, особенно в условиях тоталитарных систем. Это привело к тому, что христианство в условиях XX века стало терять свое влияние как на культуру, так и на науку и это одна из причин обоснования концепции коадаптации науки и христианства, как и появление сомнения в моральных ценностях христианства, которые реально обозначились после гитлеровских лагерей, после ГУЛАГа, Чернобыля, «Челленджера», «Курска», с постоянно возникающими войнами, экстремизмом, гибелью людей, когда человек все чаще и чаще стал задавать вопрос: «Почему Бог допустил это?» Используя мысль религиозного философа XX века С.Л.Франка, все произошедшее можно рассматривать как результат человеческой гордыни, притязающей на то, чтобы, подобно Богу, решать, что есть человек и, следовательно, что есть добро и зло; в гордыне, не допускающей никаких ограничений своей власти, и гордыне, которая, в конце концов, перестает относиться к другому человеческому существу как к неприкосновенной святыне [9, с.83-106].

Сегодня в контексте процесса коадаптации науки и христианства становится весьма важным осмысление проблемы «Христианство после Освенцима» как невозможности существования христианства по-старому перед лицом неслыханных злодеяний, которые христиане не только не смогли предотвратить, но и старались их не замечать. Этот аспект анализа был приоритетным на уже названной Международной конференции, о чем свидетельствует доклад немецкого теолога П.Элена «Освенцим и теология» [8].

Как отмечают исследователи, «сравнительно безобидный цивилизационно-культурный централизм», (европоцентризм, христианоцентризм) довольно легко приводит к попустительству в отношении чудовищных преступлений против человечности. А это значит, что «Освенцим» возвращается в совершенно новых формах. Современная реальность продемонстрировала богатство модификаций «искушения Освенцимом»: международный терроризм, межрегиональные войны, ближневосточный кризис и т.д.

Подчеркнем наиболее важные моменты, высказанные теологом: «искушение Освенцимом» - осталось и до сегодняшних дней, это искушение решать, что есть подлинная человеческая жизнь и, соответственно, кто из людей заслуживает жизни. «Освенцим» может реализоваться по-разному, пример тому: клонирование человеческого эмбриона. Теолог разделяет точку зрения, что это поворотный пункт в истории общества, драматизм которого трудно переоценить. Никто не может и не станет спорить, что мотивы и конкретные действия ученых, пропагандирующих подобные опыты, отличаются от мотивации ученых, ставивших свои изувержские эксперименты над узниками в концлагерях. Но достаточно ли всех этих безоговорочных различий для того, чтобы раз и навсегда исключить присутствие здесь того же самого присвоения права решать, что есть человек, - права, которым Освенцим обосновывал уничтожение людей, мешающих будто бы счастью других людей? Искушение, приведшее к Освенциму, в конечном счете можно понять лишь с религиозной точки зрения. Это признание на то, чтобы, подобно Богу, судить, что есть подлинно человеческая жизнь. XXI столетие дает немало возможностей, чтобы искушение Освенцимом вернулось в совершенно новых формах. И чтобы противостоять этому искушению, необходима религиозная вера – вера в то, что Бог присутствует в каждом человеке [8, с.14-15].

Человек является основой коадаптации, поскольку он не только религиозное существо, жаждущее и ищущее космическую и божественную поддержку для своей жизни и деятельности и желающим объединения с ним. Он и рациональное существо, старающееся

распознать себя, оценивающее свое мышление и действие, удивляющееся, если он ошибочно принимает воображаемое за истинное или истину за ложь, правильное за ложное и доброе за злое. Его моральная ситуация ведет не только к интенсификации его собственной духовной сущности, но также к признанию той же духовной сущности в других. Философия жизни столь сложного существа, как человек, не может быть просто эпистемологией, естественной наукой, биологией, технологией, социологией, этикой или религией.

Эту позицию разделяют многие выдающиеся ученые конца XX века, подчеркивая, что для науки XXI века Нагорная проповедь будет основополагающей, поскольку наука и религия решают общие глобальные проблемы, прежде всего связанные со смыслом жизни человека, его будущего, указывают ценность каждого научного открытия, ценность религии и морали, которые будут измеряться прежде всего мерой человечности. Человечность есть не что иное, как показатель морального потенциала науки.

Вне человека не может быть найден выход из кризисных состояний, которые характерны для современного общества. «Но это справедливое утверждение нуждается, как отмечал Митрополит Никодим, в одном существенном уточнении, нужен не просто «человек», а «новый человек», а таковым он может стать только во Христе» [8, с.8].

Коадаптация науки и религии христианства является одним из способов преодоления процесса расчеловечивания, суть которого проявляется, по мнению М.Мамардашвили в том, что «многие начинают видеть главный смысл своего бытия в нескончаемом приобретении, накоплении, умножении ничтожных блестящих побрякушек, а не в сосредоточенном «умном делании» души своей. Вместо заповеди Христа «возлюби ближнего, как самого себя» в общественном сознании с неподражаемым цинизмом внедряется принцип «каждый сам себе ближний». Вместо христианского призыва к ответственности каждого перед Богом и миром провозглашается доведенный до крайности эгоцентризм, который все соизмеряет только с собственным «Я» [11, с.111].

Эти мысли созвучны Христианским гуманистическим идеям Г.С.Сковороды и являются их продолжением и развитием.

Расчеловечивание – один из аспектов кризиса человеческой личности. Преодоление кризиса личности как расчеловечивания является одной из актуальнейших проблем совместных усилий ученых и богословов, науки и религии. На этом акцентировалось внимание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на праздновании 1025-летия Крещения Руси: «Осознавая ответственность за судьбу мира, за сохранение нравственных основ человеческой жизни, мы участвуем сегодня во взаимодействии, в диалоге, в сотрудничестве с другими христианскими церквями и с нехристианскими религиями, делая все для того, чтобы голос верующих людей сегодня был слышен, чтобы они сохраняли мужество и способность защищать те традиционные нравственные ценности, которые даны свыше. [7]

Коадаптация науки и христианства в современном виденье предстает как моральный потенциал постнеклассической науки. В нем снимается жесткое противопоставление морали и науки, науки и религии, являясь разновидностью процесса коадаптации. Он базируется на констатации положения о том, что ценность каждого научного открытия, ценность религии в третьем тысячелетии будет измеряться мерой человечности и отражает процесс возрождения христианских ценностей в противовес процессу «расчеловечивания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии – 1999.-3, - с.111
2. Кутырев В. Человек XXI века: уходящая натура // Человек. – 2001, - №1 – с.9-16
3. Kurzweil P. The Singularity is Near, Harwarol University, Press, 1990
4. 4.Лекторский В.А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии, - 2001, - № 4 – с. 3-4

5. Литл Б. Наука, христианство и истина // Человек и христианское мировоззрение. – Симферополь, 1999, - с. 253
6. Планк М.Р. Религия и естествознание // Вопросы философии 1990. - №8. – с.27, 36
7. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном приеме по случаю 1025-летия Крещения Руси. 24 июня 2013.
8. Элен П. Освенцим и теология // Вопросы философии – 2001, -№4 – с. 10-16
9. Франк С.Л. Ересь утопизма // По ту сторону правого и левого. – Париж. 1972. – с. 83-106
10. Віра і розум в.1, - 2000, с.7-8
11. Мамардашвили М. Как я понимаю философию М., 1992, с.9,111
12. Майкл Циммерман. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. Itt: // integral translations. Wordpress. com. /2011/11/06/
13. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. ЛСТ, Люкс.